

Владислав Юрьевич Дорофеев

Вещи (сборник)

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181624

Аннотация

В этом сборнике история про девочку, у которой на пальцах маленькие рты.

Зарисовка про музей, как маятник времени, и птице, спорящей с Бабой-ягой за первенство в небе.

Небольшая повесть «Нарциссомания» о человеке по имени Гаариил, который живет сдачей пустых бутылок, при этом он смотритель сада самоубийц, в котором живут солдатики, в правой руке у каждого солдатака по апельсину с красной кожицей, а в левой по бронзовому мальчику, в правой руке которого оливковая ветвь, а левая кисть мальчика совокуплена с левым мизинцем солдатиков. У Гаариила есть еще один способ зарабатывания денег – изготовление наркотика под названием «джэф».

В рассказе «Вещи» повествуется про то, как в начале декабря на восточном побережье России забивают оленей. Горло режут острым большим ножом, отчего олень умирает сразу и навсегда, оставляя свое тело на морозном снегу, под красным северным солнцем, а в моментально замерзшей крови на снегу остается кровавый ледяной след мужика с ножом, наступившего в красную лужу.

Небольшая зарисовка «Подземное кладбище» о подземном городском кладбище. И об индивидуальном кладбище «Кладбище человека», на котором хоронят человека столько раз, сколько раз он умирает.

Две небольшие повести о самоубийцах, «Дни» и «Старая судьба. Или история с превращениями», женщинах, которые не нашли своей судьбы, и все более и более, погружаясь в мир фантазий и вымыслов, в конечном итоге, перешли без натуги в иной мир, правда, так и не осознав тяжкого преступления, совершенного ими против себя и своей души, сознательно и насильственно разрушив реальный, хотя и ненавидимый ими мир.

Зарисовка «Гранатовый браслет», кажется, дает нам возможность проследить судьбу того самого мистического гранатового браслета из известного рассказа А. Куприна.

В рассказе «Сначала было тело» герой купил лавке букиниста книгу Марка Алданова «Девятое термидора», между страниц которой он нашел волос любовницы автора. Несмотря на бредовость предположения, события начнут развиваться.

Герои рассказов разговаривают с кошкой, кентавром, случайными цыганами, которые встречают автостописку по дороге из Москвы в украинскую Белую Церковь, и которые переносят героя на столетия назад и встречаются с отшельником, живущим под открытым небом, или фифой, живущей в каких-то своих мирах.

Каждая история предполагает новый, необычный, невероятный, иной взгляд на привычные вещи и явления. Часто это небольшие зарисовки, размером в одну страничку, но есть и почти повести, действие которых разворачивается на протяжении продолжительного времени.

И завершается сборник «Рассказом о ненаписанном рассказе».

Содержание

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ЕЛА РУКАМИ	5
ПТИЦЫ	7
НАРЦИССОМАНИЯ	9
СНАЧАЛА БЫЛО ТЕЛО	26
ВЕЩИ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владислав Дорофеев

ВЕЩИ

Повести и рассказы

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ЕЛА РУКАМИ

М.

Одна маленькая девочка увидела сон. Как будто она ест не ртом, а руками, причем у каждого пальчика был свой маленький ротик с острыми зубками, а на больших пальчиках были ротики чуть побольше.

Девочка проснулась и заплакала. Подошедшей маме она рассказала сон, и мама решила, что дочка плачет потому, что ей стало страшно. Но девочка плакала совсем по иной причине, ей хотелось, чтобы ее пальчики имели такие маленькие аккуратные ротики, за которыми она могла бы ухаживать.

И тогда она решила всю свою жизнь посвятить тому, чтобы научиться есть руками. Но для этого ей надо было перестроить организм так, чтобы в пальчиках выросли ротики.

Однажды старый сосед, который жил в квартире напротив, рассказал девочке о заброшенном подземном кладбище, к которому вел заваленный туннель метро.

Но было ли это правдой, сосед не знал. Скоро он умер, однако девочка не забыла о подземном кладбище, на котором были похоронены последние существа, которые ели руками и ушли под землю, когда на Земле воцарились люди. Но девочка этого не знала, не знала и того, что эти существа были не настолько еще совершенны, чтобы вознестись на небо, но уже не могли жить снаружи, где все так часто менялось в зависимости от времени года, людских глупостей и земных катаклизмов.

Существа себя называли Призраками. Иногда они выходили на поверхность и разговаривали с самыми умными, передавая им свои знания, а остальных пугали. Долгое время они жили повсюду, под всей поверхностью Земли. Но постепенно отдельные Призраки становились все совершеннее и возносились на небо. Призраков становилось все меньше и меньше, пока не осталась небольшая горстка под Москвой.

И однажды на них наткнулись строители метро. Русские рабочие нашли странное подземное кладбище, которое находилось в квадратном зале с земляными, но будто отполированными стенами, покрытыми каким-то странным лаком, который не могли разрушить даже взрывом.

Найденные скелеты внешне были очень похожи на людей, но исследования привели московских ученых в совершеннейшее замешательство: найденные существа имели странную систему пищеварения, а в пальцах небольшие отверстия, сохранившие подобия зубов. находка была настолько неожиданной и сумасшедшей, что результаты исследования были засекречены, а кладбище решили оставить в покое, тем более, что однажды произошел крупный обвал, завалив пробитый туннель. И пришлось пробить другой туннель, поскольку как после обвала не пытались, но уже ни бурением ни взрывами не могли пробиться к кладбищу.

Обо всем этом наша девочка узнала в архивах секретной службы, куда пошла работать, когда повзрослела. Сделала она это потому, что именно там служил когда-то ее старый сосед.

Девочка нашла и некое подобие схемы, и определила, что кладбище и заваленный туннель находились в районе станции «Кропоткинская».

Но главное, что обнаружила девочка в документах: рассказ проходчика, который первым обнаружил кладбище. Он рассказал, что в этом квадратном зале строго вертикально вниз шли странные квадратные норы. На следующий уже день норы пропали, а еще через некоторое время во время завала пропал рабочий.

Девочка почти уверена была, что где-то там под землей еще живы эти странные существа, которые умеют есть руками.

И она страстно захотела к ним.

Как-то ночью, почувствовав громадную тягу уйти под землю, девочка ушла из дома и спустилась в вентиляционную шахту в районе станции Кропоткинской под землю.

И уже когда были на исходе батарейки и кончались продукты, а девочка только начала приспосабливаться к подземной жизни, в одном из заброшенных туннелей она уткнулась в старый завал.

Там бы она и умерла, поскольку наверх она уже не могла вернуться, когда бы еще через несколько дней не увидела перед собой какие-то тени. Затем сладкая вспышка боли и девочка очнулась уже в странном квадратном зале, ярко освещенном, с блестящими, словно покрытыми лаком, стенами. Рядом стояли те самые Призраки, которых она видела во сне. И один из них очень напоминал старого соседа. Она удивленно посмотрела на него и услышала:

– Не удивляйся. То был мой отец, он был нашим земным разведчиком.

– Но ведь у него были нормальные руки.

– Внешне.

И только теперь девочка поняла, что у этих людей нет рта, точнее, во время разговора рты не открываются. Телепатическим языком Призраки овладели под землей много тысячелетий назад. А рты служили им для любви, и зачатия у женщин.

– Ничего не бойся. Мы тебя ждем очень давно. Твой старый сосед был твоим настоящим отцом, а я твой брат. Ты можешь ничего не говорить вслух, мы прекрасно слышим твои мысли, хотя уши у нас сохранились, но это совсем другие уши, и мы совсем иначе слышим, нежели люди... Ты нам нужна, без тебя мы погибнем, ты дашь нам новое потомство, новую кровь. Мы не успеваем все вознестись. Последний человек нашего племени не может быть похоронен в земле, он обязательно должен вознестись, иначе наша земная миссия не может считаться завершенной и успешной.

Дальнейшее все было очень просто и очевидно. Девочка помогла своему народу выполнить миссию и достойно уйти.

ПТИЦЫ

Музей – это маятник времени.

В этом достоинство всех музеев и их отличие от простых часов со звоном.

В тот день у меня нервно болела голова.

Фотина мне позвонила утром и сказала, что у нее есть два свободных часа, и предложила погулять на Ленинских горах. Там же Университет, в котором я не был после самого окончания и получения диплома, то есть так давно, что уже и не помню сколько лет прошло с тех пор. Очень много.

Циклопическое здание вовсе не изменилось, снаружи и изнутри оно казалось будто только построенным, лишь слегка более замусоренным, чем прежде. Да добавились коммерческие ларьки, стало больше хороших книг, а так все то же. Я решил поехать на самый верх, чтобы поглазеть на Москву. Что мы и сделали.

Добирались в два этапа, поскольку на лифт, который идет до 28 этажа, мы сразу не попали, затем пару этажей из любопытства прошли пешком, а затем уже сели в пустой лифт на 23 этаже и доехали до предела – дальше движения лифтов не было.

Небольшой коридорчик, с одной стороны глухая железная дверь, с другой металлическая решетка. Дверь закрыта на замок с внутренней стороны, там во внутренней стороне – экспонаты, птицы с раскинутыми крыльями, глобус, карты Земли, таблицы – музей. А в музее служительница, которая к решетке приблизилась, но вплотную к ней не подошла.

Служительница. Женщина, может быть немного оплывшая, в растоптанных тапочках, с добрым, но слегка придурковатым взглядом, поседевшая и, видимо, когда-то сильная телом. Поздоровалась, сказала, что музей закрыт и отвернулась к окну, затем влезла на подоконник и стала что-то делать с белой ацетатного шелка шторой.

– Что вы делаете?

– Я боюсь птиц, и хочу прикрыть окно шторой от этих разных соколов.

– Осторожнее, вы можете выпасть. Высоко очень, вам не страшно?

– Да, страшно. А я, вообще, боюсь птиц. У них неприятная кожа, знаете, когда щиплешь кур. Не люблю всех летающих. Однажды в Туве я «подверглась» нападению бабочек. Они облепили лицо, руки и открытые части тела, они неприятно пахли, мне было страшно и противно. Они какие-то не наши, все эти летающие. С ними нельзя договориться, по крайней мере по отношению к животным такими надеждами всегда себя тешишь. Я вижу птиц во сне, во время тяжелой болезни всегда вижу больших черных птиц, которые спускаются с неба на мою голову, закрывая небо и солнце. Я думала, что я одна такая странная, мол, боюсь птиц, но как-то я смотрела какую-то греческую драму, там по небу носились черные птицы-фурии. И я поняла, что мой страх обоснован.

– И все же вы по-аккуратнее, можно вывалиться, 28 этаж.

Она стояла за решеткой внутри окружающего ее музея птиц и приглашала нас придти еще.

А сама она была птицей, она хотела, чтобы мы стали птицами, она обманывала нас, когда говорила, что боится птиц, это все нарочно говорилось, для того, чтобы нас отвлечь. Она была стервятником настоящим.

Она ждала одиноких людей в своем музее за решеткой. Когда такой человек появлялся, она его заговаривала, а потом заманивала в свой музей и превращала в экспонат. И ничего нельзя было доказать или проверить, или найти.

Она была Бабой-ягой.

А в это самое время гулом загудела Красная площадь, заликовали толпы и толпы, пришедшие сюда за долгие годы странствия площади по пространствам и временам; задрожала

Красная площадь, дыбом встала брусчатка, и красная огромная птица поднялась к небу, свистом-посвистом встретило ее небо, а птица медленно повернулась к Ленинским горам и плавно направила свой величественный лет к родной матери Бабе-яге. Вот они уже встречаются и обнимаются, и целуются и любят, и нет конца-края их встрече и радости обоюдострой. Птица поднялась вновь к небу, держит Бабу-ягу нежно в талии, и бросает и ловит, и бросает и ловит, так много раз, пока не насытится Баба-яга-«костяная нога», пока не устанет птица – это их любимое развлечение.

НАРЦИССОМАНИЯ

Я начал писать этот текст в 1982 году, весной, и предварительно завершил его той же осенью. Прошло семь лет. За эти годы я переместился из Москвы на Дальний Восток, у меня семья, двое девочек, чудная жена. Это не считая новой работы, нового положения в обществе, новой погоды, иного жизненного уровня: тогда была чашка риса на день, порой на два, теперь грузинский коньяк, крабы, хорошая одежда, собственная Библия и радиоаппаратура. А написанные семь лет тому назад страницы лежат в архивном виде, неудобоваримые и непривлекательные. Все эти годы я корил себя за незаконченность работы, за эту псевдоархивность, непоследовательность. Но ведь когда-то нужно закончить однажды начатое дело. Что произошло со мной за эти годы? Я, конечно, вырос из многих штанишек, но каковы мои устремления, насколько я последователен в реализации и воплощении своих жизненных сил. Насколько я научился за прошедшие годы понимать себя и окружающих. В этом была одна из подспудных целей тогдашнего литературного экскурса в свои мысли и ощущения. С точки зрения формы смысл этой работы был не в достижении какого-то результата, но в наиболее точном изображении процесса написания, формулирования рождающихся мысленных образов и ощущений. Задача была в том, чтобы приблизиться к читателю, то есть сделать читателем самого себя. Убрать эту дистанцию дидактики и учительства, покровительства, которые сопутствуют самым и святым и человеческим литераторам, мыслителям, деятелям. Прочь избранность и величие от бога! Да, здравствует избранность и величие от себя. Впрочем, давайте посмотрим, что же у меня получилось. Отойдем от первоначального замысла. Дело в том, что я не могу разобрать код, которым зашифровано расположение страниц в тексте. Остается надежда на интуицию и универсальность тогдашнего замысла. Начнем.

Драматургии в тексте нет, нет акцентов, завязки, финала, центра, есть только какие-то намеки на дань литературной традиции. По традиции сначала в тексте идет предисловие, эпиграф и другая трусливая ерунда.

Что же происходит с теми, кто согласен со всякой смертью и не желает думать, что она такое и зачем? Что же с теми, которые несчастливы? Которые не примирились с жизнью, считая, что она к ним жестока. Последние – это глупцы, потому и жизнь их глупа. Но те и другие живут с глубокой верой, которая выражается в заботе о деньгах и жизненных удобствах. Те и другие не понимают истины: пересилить себя – это, значит, пересилить себя.

И такое вдруг отчаяние. Настолько бессмысленна жизнь моя. Неизмеримым глупцом я себя почувствовал. Человек-функция, когда последний день твой на Земле? Огромные города твои – последние ли? Мир сей последний ли? Человек, ты делаешь все, чтобы не быть ничем, но ты ничто. Переступивший хотя бы один единственный закон – уже достойный человек. Но ты, человек, ты превратил в закон самого себя. Войди назад в свои дома. Я прекращаю говорить и жить. Я – как ты, я боюсь покинуть свои земные декорации. На книжной полке моей четыре тома Есенина: первый бежевый, второй желтый, третий синий, четвертый зеленый. Им нет до меня дела до тех пор, пока я не схвачу с полки один из этих томов. Но и тогда в этот момент останутся: сорокаградусный мороз в Нью-Йорке и умирающие люди по всему свету. Сколько мертвых людей?! Как много нужно было вас убить, чтобы вас было так много! Санкционировать смерть Героя ради политики. На это способны, яко бы «наши судьи», наши Учителя, которые пишут для вас романы и детективы, делают политику и встречаются, и говорят, говорят. И все это происходит под знаком сохранения дистанции между ними и нами. Они составили нам законы, зная при этом, что мы все хуже худшего, о чем мы сами знаем. И будто бы много радости нам принесли ваши жизни. Но кто

как не вы, останавливаете жизнь в поэзии и просто жизнь. Впрочем, зачем нам видеть жизнь в виде зеленого айсберга, в котором нет ни смысла, ни аза... Да, туманно... Но продолжим...

Может быть по этому поводу мой приятель Виктор, умерший в тюрьме, наркоман от рождения, сказал: «Я нужен людям, я несу правду, я говорю человеку, кто он такой! И почему он на этой Земле! Я советую человеку быть человеком!»

Прежде чем сесть писать настоящий труд, я готовился к нему более полугода. В самом начале этой подготовительной работы я встретился с мыслью Хайдеггера: «Третье явление нового времени, равное по важности первым двум (наука нового времени и машинная техника), заключается в том, что искусство входит и выдвигается в поле эстетики. Это значит, художественное творение становится предметом переживания, а вследствие этого, искусство начинает рассматриваться как выражение жизни человека». Я не думал над смыслом этих слов, но помнил их. Хотя, для того, чтобы их сейчас написать, мне пришлось найти статью Хайдеггера. Поставив после «Хайдеггера» точку, я подумал: «Для меня важно, чтобы мой труд нельзя было читать на унитазах или в ванной».

Но зачем мне выдумывать, что нет того, чего нет. И, что кто-то из читающих поймет то, что он читает. Впрочем, я уже верю в то, что я существую. Ну и какое вам всем дело до меня! Я и сам после написания этих слов не всегда могу вспомнить рождение мысли. Разве что, воспользовавшись для этого обратной схемой формулирования, что позволит проследить словесное мгновение несущейся мысли. Отрицание разума, вера в разум, понимание разума, послание разуму, победа разума, могущество разума, постижение разума...

Осенью, нынешней или минувшей, спускаясь Ново-Басманным переулком, я отыскал в свете фонаря черный кошелек. Я долго смотрел, затем вспомнил законы Англии и свои собственные, поднял кошелек и догнал бредущую вверх пару, мол, не ваше: кошелек для ключей с желтым замочком? Нет! И я положил кошелек в карман. В кошельке были крест-брелок-серьга и цепочка.

Ваш ребенок
вам же нужен;
авокадо посадив...

Проза, как девка, в какие-то времена распоясывается. Как же приятно бывает писать: какие-то звуки за окном, звук машинки, а за окном домики, пустые деревья. И тут же рядом оторопь и отвращение, ненависть и зависть к тем, кто в соседней комнате готовит, моет, говорит, скучает, слушает и рассказывает. Порой один из них подойдет ко мне и опустит руку на плечо мне. Господи! Отдай им мое сердце за эту руку и доброту их, которые я не заслужил. Я знаю о них много дурного, наполни их сердца радостью, а меня отстрани от них за эти мои знания.

Собственно, в прозе звуки имеют возможность и право выделяться. Совсем не то в поэзии, которую часто представляют худые поэты и нелепые актеры.

Я больше всего переживаю за интерес. Будет ли каждая строка толчком для последующей и развитием предыдущей. На сюжет плевать. Сюжетов в вашей жизни много больше, нежели их может быть в моей голове, которая порой неразумна, а порой труслива до оторопи. Приятное слово, не правда ли? Хочется его повторить по слогам: «о-то-ро-пи», или даже по буквам, перечислить: «о-т-о-р-о-п-ь». Редкое слово, русское слово.

Я не чувствую в себе душу. Где-то в окнах разума живет рассудок, орган ведающий самонаказанием, а качество это есть главнейшее качество русского. Русский – это же мазохист, каких свет не видывал. Вера русского тайная, может быть поэтому никакая. Доминируют в русском человеке мысли, переданные по наследству. По наследству русский получает и ангела-хранителя. Настанет время, и русские первые отойдут от национальной принадлежности и перейдут в особый статус. Как его назвать, это новое состояние, я не знаю. И предрасположенность к этому исходу у русских существует давно. Например, у конкретного крещенного русского, который топтал икону, обязательно отрастали рога. Топтавший не будет их сбивать, напротив, он сделает все, чтобы рога укрепились, пустили настоящую корневую систему. А другой русский, увидев это чудо, не спросит: «Как это? Что это?» Другой русский скажет: «У каждого свое... Чтож тут такого». То есть, когда русский поверит, он уже ничему не удивится.

Лучше с умным потерять, чем с дураком найти.

Бог не выдаст, свинья не съест.

Покуда гром не грянет – мужик не перекрестится.

Действительно, странная была война 1812 года. Бедный дурашка Наполеон, бедный любитель утренней жирной курятины и горячих ванн. Несчастный «наполеон».

В лучах заходящего солнца, на снегу, засиженном мухами, лицо его – как серебряный голубь...

Что же я имел в виду семь лет назад?

Позже тот, который по обыкновению Бунина, говорил «синема», зарабатывал тем, что сдавал бутылки, Торжественный и красивый момент, когда он в одной руке держит мешок с бутылками, а другой рубит воздух и выстраивает каре на жестяной плоскости приемного столика. Человек этот по прозвищу Гаариил одет был в какой-то темно-синий холст. Зеленое бутылочное каре успокаивает. Из кармашка Гаариила торчит роза. Мы с ним не виделись более года. Он всегда знал, что будет потом, но никогда не хочет знать этого. Он был нетороплив, как и вся русская проза. По ходу движения очереди мы успели обменяться впечатлениями о долгой разлуке. Он рассказал о бритве в глазу и раненой девочке, об эскалаторе. Очередь подвигалась медленно. Он рассказал о том, как астрологи-экстрасенсы города воткнули во время демонстрации нож в горло главному психиатру города. Причина? Арест главы школы экстрасенсов. Дальше Гаариил рассказал о мальчике, который видел сон о том, что будто бы он ехал верхом на быке, между рогов, Утром мальчик попросил папу показать ружье (папа был охотником). Ночью малыш встал, вышел из детской, вошел к родителям уже с ружьем и выстрелил в дневного учителя, вторым зарядом уложил проснувшуюся мамочку. Мальчику четырнадцать лет, как раз возраст приема в молодежную организацию. Потом мы насладились сдачей бутылок.

Гаариил занялся сдачей бутылок после прочтения Гессе. Затем он стал подсматривать в метро. И он понял, что ему нужно как можно больше подсматривать в метро.

Я нашел ее на станции «Площадь Ногина» в месте пересечения двух направлений.

Она была, нет, она ни на что не похожа. Какой-то странный волосяной взгляд, не точкой или лучиком, но каким-то потоком глаза ее устремлялись ко мне. Она смотрела не на меня, а в мою сторону. И этого было достаточно, чтобы увидеть в этом потоке отчаяние и исход. В руках она держала прозрачную сумку с красными пакетами молока. Глаза ее скользили ко мне. Я сомневался, заметила она меня или нет. Но все же виноватил лицо и порой опускал голову, или из под шляпы смотрел в свою половинку стеклянной двери. Перед ней была другая половинка. Я был смущен, она нет. Я не хотел испугать ее своим взглядом. Я решил, что прокляну себя, но подойду к ней и заговорю, стану смотреть взглядом насильника, и пусть она испугается, но уже будет готова к худшему. И потом я успокою ее: «Умоляю, подайте мне несколько первых минут». Затем пойду рядом. Что ей останется, смириться. Это, конечно, насилие, ведь я решаю за нее.

Есть несколько принципов, которых я придерживаюсь всегда. Не испытывать взглядом успокоенных или с кольцом на правой руке, или с подругами, или одетых в однотонные одежды, коричневого, красного, бежевого, желтого и других массовых цветов.

Прервем на миг повествование Гаариила. У Солженицына есть хорошее выражение насчет того, что, мол, нельзя писать скучно, чтобы не засушить читателя. Если сушит в горле и хочется потереть глаза, бросьте этот текст, пойдите, развейтесь, выпейте чаю, обнимите жену, поласкайте детей, поспите, поработайте, погуляйте.

Я ценю в одежде гармонию. Например, даже при мгновенном броске глаз на пассажирку видно, что черный плащ ее не соответствует желтому настрою сегодняшней ее души; следующий бросок приносит информацию о том, что эти разноцветные розочки на воротничке передают противоречивое состояние души. И вот уже моя душа вслед несется мальчишеским бедрам. И вижу я, что душа избранницы, словно, замороженная курица в полиэтиленовой пленке. И вот я уже насаживаю ее душу на свой взгляд, словно тушу насаживают на крюк в мясном отделе гастронома. На перекрестке мы расстались.

Дальше ерунда. Но вот еще один интересный абзац.

Владелица заинтересовавшего меня взгляда четверится. Вот она стоит рядом со мной, можно ткнуться бычком в ее плечо; затем она в стекле двери; наконец, она отражается в моих глазах, которые отражаются в стекле. Значит, пятерится. Надо сказать, что метрополитен – это что-то обратное воздухоплаванию. Наверху совсем нет стен. Но и верх и низ, по прошествии многих десятков лет существования, остаются одинаково неестественными для человека. Немногие могут доподлинно представить себе, почувствовать, что же такое скорость, полет или что-нибудь в этом же роде. То есть человек, используя все достижения цивилизации, вводит себя в заблуждение насчет хозяйского отношения со скоростными воздушно-земными штуковинами.

Дальше идет меланхолическая дребедень про провинциализм, меланхолию, какие-то слезы и какую-то лирику бытового характера, какую-то ассимиляцию каких-то приезжих с какими-то местными. Интересно дальше только одно описание одной встречи с какой-то изысканной бабенкой. Приведу одно только сравнение.

Ее изысканность подчеркивалась во всем и в одежде. И сапоги на ней были из разряда той обуви, у которой на внутренней стороне подошвы стоит фамилия модельера. Ее отли-

чала хорошая гамма: темно-вишневые сапоги, черный плащ и черные перчатки и шляпка, серебряные серьги и бедность на лице, и истома во взоре.

Продолжим. Русская гроза нетороплива. Капли дождя падают, словно бы пинают трупы своих предшественниц. И уже нет Земли, России, только дождь один льет за окном.

Такая прелюдия еще одного описания путешествия в метрополитен, еще одной встречи с еще одной жертвой.

Бегут, бегут поезда по оси черных червяков туннелей; порой черви сплетаются, дрожат их коленчатые тела, дрожат обитатели подземных желудков на колесах. И дрожь эта в мозгах и человеческих желудках, которые привыкли переваривать, но не хотят дрожать каждый день. Я повел свою новую жертву по городу, мы были как бы широкие лезвия, которые резали осень и дождь на разной величины куски. Затем мы зашли покурить в подъезд старого дома. Гаршинский подъезд, я даже услышал этот сдавленный, полный ужаса вскрик и затем глухой плоский удар.

Затем они расстались. И на прощание она ему сказала, что гуляла в этот день также как и он, случайно, ради случая, значит. И еще она сказала, что я немного оживил ее. Затем она сгорбила плечи под большим черным зонтом и пошла. И я не пошел за ней только потому, что судьба готовит меня к очередному прыжку в неизвестное.

Прошло время. Я вновь заходил в этот подъезд, и что-то начертил на грязной стене справа от широкого старинного окна с медными шпингалетами.

Затем походы в метро пришлось прервать, Гаариил заболел чахоткой. И плевался кровью и слизью. В этот момент он остался без дома. Он ходил по городу с мешком книг в одной руке и сумкой с вещами в другой. Его любимые книги: «Война и мир», «Жизнь Арсеньева», «Выигрыши», книжечка стихов Тютчева и томик Лермонтова со «Штоссом». В сумке лежали: старое ружье, черная рубашка, смена белья и документы. Вот он идет по Сретенке, заходит в общественный туалет, запрокидывает голову возле раковины и принимается в очередной раз отстирывать от крови носовой платок. Какой-то старик качает головой. Потом он по Декабристов переходит на Рождественский бульвар. Навстречу женщина, она на ходу раскрывает сумочку и роняет круглое зеркальце. Оно катится под уклон, женщина бежит вслед и наслаждается, бежит вприпрыжку. У женщины были непропорционально короткие ноги. На углу Жданова она схватила зеркальце и растаяла в струях заходящего солнца цвета кальвадоса.

Я посмотрел внимательно на свои руки. Гаариил был похож на мешок. Передо мной были два мешка: с плотью и с бутылками. Я сдал бутылки, мы тихо распрощались. Я вышел к каменному театру. По диагонали на сцену площади падали цветы и листья. Люди на глазах меняли цвета одежды: одни белели, другие темнели – кто прав? Я не заметил, как на ходу пнул ногами тельце мертвого воробья, он был чем-то похож на юродивого Гаариила. А может быть тот и есть этот?

Здесь надо остановиться и подумать. Дальше идет рассказ о Гаарииле. Однако, автору он кажется не слишком интересной фигурой. Может быть перекинуть фактуру на героя, который является посланцем автора. Гаариил поднадоел. Но говорят же, что старый друг лучше новых двух. Но так как пути представителя автора и Гаариила разошлись, стало быть

надо найти какую-то новую форму рассказа о деятельности Гаариила. Впрочем, нет смысла крутить и выкручиваться: автор знает все и обо всех.

Гаариил писал стихи и любил выдержанный коньяк, а ел лишь яйца, хлеб и холодную рыбу. Свою поэтическую теорию он назвал – «падающий солдатик», которая начиналась в тексте примерно так: «Отставшие от обоза, засыпанные снегом, наклонив головы, шли, всеми позабытые. Вечер, изрешеченный снегом, восшествовал на трон ночи по ступеням из людей».

И одна из миниатюр нашего поэта, сдатчика бутылок называется «Политический сад».

«По снегу сада идут два негра с лицами цвета праха. У одного негра огромные ступни, обутые в босоножки, он продает часы. Второй негр с мешком. Два негра садятся на скамейку и ждут художника. Пока говорят.

– Видится мне, что я лапаю белую женщину, которой я безразличен.

– Ты остановился на полпути к разврату.

– Белой лебедью грудь в моих руках. Я ищу свечу. Я отступаю, когда желание превосходит меня, потому я жив. И женщины рожают меня для меня.

– Ты – мы. Мы к тебе подступаем с просьбами и угрозами, а ты на полпути к разврату. А женщина рожает для себя. И ей не дано других страхов. Она боится не родить. Для нее ты – это детство ее совести. Она – будущее цивилизации.

– Зачем мы – люди? Чтобы отстаивать, не приближаясь. Пускай мы умрем для себя. Будет оправдание глупости.

– Трагедия естества. Поэзия – мать естества. Поэзия примиряет нас с собой. И все же первооснова естества – религия. Не ясно только, зачем религия призывает всех людей к одинаковым устремлениям. Найди свой дом, свой горизонт. И тогда ложь, трижды обращенная в себя, успокоится в тебе – это и есть твой гений. Встань, пошли».

Я машина, чтобы лучше писать. Я потерял себя. Я не знаю кто я. Я не знаю, где я. Я не знаю, что мне нужно. Я – никто. Я – автор. И все же. Мы – мир. Мир – наш. Наша ось – образ силы и профессионализма. Это – наш дар.

Чертовщина какая-то, не правда ли? Я ничего не понимаю из своего собственного текста семилетней давности. Все это сопли и слюни. Впрочем, вся эта жидкость смазывала мои механизмы все минувшие годы исправно, сбоев почти не было. Надо эти слюни превратить в кристалл, в этом смысл этой многостраничной рефлексии. Нужно лишь выдержать верно волну ощущения, не изменить настрою семилетней давности.

«Солдатики Гаариила любят красить губы свои в черный цвет, они делают друг другу татуировку на шее. У каждого поверх татуировки железный ошейник раба. В правой руке у них по апельсину с красной кожицей. В левой по бронзовому мальчику, в правой руке которого оливковая ветвь, а левая кисть мальчика совокуплена с левым мизинцем солдатиков. В своем саду самоубийц солдатики чувствуют себя хозяевами. В каждом укромном уголке сада стоят телефонные будки. У солдатиков юношеская демократия. Они занимаются любовью по телефону.

– Не шевелись дорогая и молчи. Нагнись вперед, прижмись грудью плотнее к стенке. Потом солдатики, выходят, садятся в машину своей дамы и уезжают».

Родословная Гаариила.

Ничто не могло его смутить. Ни призыв в армию, ни бремя семьи, ни отсутствие оной. Ни сгоревший дом второго мужа его матери. Этот парень ушел на дежурство. Мать решила

сбежать; уже собрали и отправили на вокзал вещи, тогда мать приоткрыла дверцу печки. Дом и сгорел после ухода. Потом у матери был и третий муж, но отец у нашего сдатчика бутылок всегда оставался один.

М 1 – мать, П 1 – отец, П 2 – второй муж, П 3 – третий муж. М1+Я. В свою очередь, образовалась новая связь: $П1 + М2 = П1 \times М2 = Д$ (дочь). Затем появилась на свет новая формула: $(М1 + Я) + П2$, но результат был равен нулю. Затем Гаариил вышел из формулы $М1 + Я$ и присоединился к формуле $П1 + М2 = П1 \times М2 = Д$. Получилась новая формула: $(П1 \times М2 = Д) + Я$, которую можно записать так: $(П1 \times Я) - (П1 \times М2 \times Д) + (Д - Я)$. В это время мать Гаариила создает связь с третьим мужчиной, у которого дочь и сын. Получилось: $М1 + П3 + (П3 \times Д \times С)$. На некоторое время Гаариил вошел в эту новую связку, которую можно записать так: $(М1 \times Я) (М1 + П3) + М1 + П3 + (П3 \times Д \times С)$. Гаариил привносил с собой в эту и другие, возникающие на время схемы, настроение, чувство, желания и свой характер. Он передвигал свое тело из схемы в схему. И может быть благодаря его стараниям схемы приняли следующий вид: П1; М1; Я. И появилось все остальное – дети, бабы, мужики, кони, люди, поля, леса, луга, горы, озера и, наконец, дальневосточные сопки. Каждая следующая формула стремилась к отличию от предыдущей. Надо было менять язык, принципы. Нужно было предавать забвению сегодня то, что вчера было незыблемым и главным ориентиром движения и развития. Душа требовала разнообразия, которое подменялось телесной суетой. Вот, что значит, предавать забвению душу и дух.

Душа – это ось собственного мира, на эту ось нанизываются составляющие ряда, который складывается, составляется из поступков, решений неосуществленных желаний и всякой иной всячины, которая прямо или косвенно формирует душу и развивает мозг.

Не знаю, есть здесь художественность или нет. Мне бы продраться к себе, задать себе новый вопрос, за ответом на который нужно будет отправиться в новый путь.

Приходится пропустить многое из старого текста не потому, что в нем много заумного, антихудожественного. Приходится пропускать старые вопросы, на которые уже есть ответы. Это грубо, но приходится это делать, потому что текст этот пишется, как видите, семь лет. Этот текст должен был быть закончен еще в конце 1982 года, но никак не 1989.

Разные есть смыслы. Свой смысл Гаариил отыскал в эгоизме. Без эгоизма нельзя написать роман, соблазнить женщину, понять себя, быть человеком, узнать смерть до начала смерти. Только эгоизм позволяет оценивать качество жизни и увидеть предел своего мира. Только эгоизм помогает в создании романа, который помогает почувствовать движение жизни. Настоящая литература только этим и занимается. У каждой литературы свое движение своей жизни. Так было в литературах Бунина и Маркеса, которые писали для себя и также стремились к изображению движения жизни.

О писателях. Хемингуэй научил Гаариила мужскому поведению, Кортасар естественности поведения. Тургенев – творческой воле, а Пушкин учит верить в себя и в реальность всего происходящего. Хлебников – это умение понимать себя и природу. Еще один урок Хемингуэя в том, что его герой умер вместе с автором.

Все умирают,
я вместе с ними.

Был еще один способ зарабатывания денег – Самиздат. Гаариил устроился в контору, где была копировальная машина, учеником на машину. И деньги полились рекой: четыре копейки лист. Подпольная пропаганда запрещенного искусства, культуры. Гаариил осо-

бенно не переживал, обманывая государство, он считал, что восстанавливает справедливость, занимаясь неким подобием перераспределения.

Наконец, разве он не лучше того химика из приморского городка, который изобрел джэф: марганцовка, домашний уксус, трехпроцентный раствор эфедрина и вода. Дешевый и коварный наркотик, осушающий душу до доньшка.

Дальше в первоначальном тексте идут рассуждения о том, что нужно сделать, от чего отказаться, что приобрести, чтобы стать писателем, поэтом, человеком, который служит духу. Рассуждения о том, можно ли совмещать служение духу с каким-то служением государству. Впрочем, мысль не закончена, потому мы и не будем ее даже зачинать в новом варианте. Да, будет так.

Но вот дальше следует очень интересный текст о встрече Гаариила с джэфистами-наркоманами. Дальше Гаариил Барсуков пытается отработать теорию движения джэфистов, вывести некую концепцию жизнедеятельности. Давайте посмотрим, что из этого получается.

Десять правил джефиста

1. Джэф – главное назначение джефиста.
2. Смерть не приближать.
3. Нельзя защищаться.
4. Быть безразличным.
5. Любить в смерти.
6. Помнить все.
7. Любить жить и любить умирать.
8. Быть готовым к переходу в новое пространство.
9. Каждый джефист – гений.
10. Деторождение запрещено.

Основная заповедь

Одной проблеме – одно сосредоточение.

По земле разлегся туман. Началась иная эра. Эра души. Эра тумана. Однажды в один весенний день Гаариил возненавидел метрополитен и все человечество. Поводом был плакат над входом станции метрополитена «Религию XXVI съезда партии – в жизнь».

«Нас много, но одни во власти ночи,
А колыбель других еще пуста,
О тех скорбит, а о других пророчит,
Земных зеленых весен красота,
Я ж – Прошлого увидевшие очи,
Грядущего разверстые уста».

Один из джефистов. Рост чуть больше полутора метров, толстая кожа лица, баптист. Очки с такими толстыми дужками, словно, в дужки вмонтированы слуховые аппаратики. Очковый баптист знает иврит и тот язык, на котором говорили современники Каифы. Как-то раз, отправляясь путешествовать автостопом, баптист-джефист открыл энциклопедию. И вот что он там случайно прочел: «Доминанта в физиологии – временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе, который определяет характер ответной реакции организма на внешние и внутренние раздражения. Для доминирующего нервного

центра характерна способность накапливать в себе возбуждения, приходящие в центральную нервную систему и тормозить способность других центров реагировать на импульсы, имеющие к ним прямое отношение...»

Баптист родился в 1961 году в предгорьях Кавказа. Родителей своих он не помнил, жену похоронил. О ней он и вспоминал, когда ехал по русской земле, приближаясь к Украине. Уже прошел Яблочный Спас, начало сентября, ночи скользкие и холодные. Ночь – это очень нелепо. Стоит только шагнуть в темноту, и обязательно какие-то осклизлые матовые фигуры пройдут или промчатся, или нырнут, или скользнут мимо тебя в темноту, как последняя память о свете и о том, как человек был богат и силен, когда он владел ночью. И сила эта пропала, когда он построил дом и зажег свечу. Но ведь ночь от этого не отступила, она только обогнула человека.

Впереди туман уплетал машину за машиной. Подошел наш черед. Туман – это тишина. На пригорке мы уперлись в необозримую кучу тумана. Стало тесно. Туман был бежевого цвета. Водитель был старый с хитрыми глазами. И он решил остановиться, мол, ничего не видно. Я предложил ему на память читать все, что знаю. Старик согласился. Началось славное путешествие в материализованную необозримую мира. Только сейчас я разглядел, что водитель – старый молдаванин. Затем и туман кончился, и ночь началась, а я продолжал читать. Впереди показалась деревня. Старик высадил меня и попрощался.

Джэфист шагнул еще дальше от дороги. И ночное небо полетело какими-то светлыми линиями; из линий составились углы, треугольник и квадраты, какие-то небесные слова.

Какой-то человек с козлиной бородкой стоял у входа в деревню и пытался разобрать при помощи спички какие-то слова, написанные на квадратной табличке, которую освещало трепыхающееся пламя свечи. «Может быть и мне встать на колени», такие слова были написаны на щите у входа в деревню.

И вновь Гаариил подумал с удовольствием, что удалось там в тумане совместить душу старого молдаванина со своей душой. Это было не очень трудно.

Гаариил шел по оси деревни. Он устал. Хотелось лечь на землю, чтобы земля приняла и проникла во все поры, вошла в сердце, мозг, кровь. Это же самое умеет делать джэф, но это изначальное право одной только земли. Однако земля знает о назначении человека. Человек знать не может этого, не должен. И происходит следующее. Слабые склоняют голову перед открывшимся знанием и отступают навсегда куда-то назад, окунаются в такое состояние, когда их и людьми еще нельзя назвать. Сильные воины используют джэф и уходят куда-то дальше, в неизведанные дали, окунаются в состояние, когда их уже и людьми назвать нельзя. Те и другие существа похожи в том, что пустота – их внутреннее состояние, переживание – их внутренняя маска.

Тем временем наш герой подошел к дому с антрацитовыми стеклами. Захотелось войти, тем более, что очень хотелось есть.

После некоторой церемонии, его впустили в дом. Всю стену в передней занимала искусная картина: зеркальная витрина с изображением отраженной улицы. Один прохожий остановился, уставившись в свое изображение. Иные отразились боком, кто-то бежит, кто-то степенно шествует, бросая взгляд на себя в зеркальной витрине. В углу прихожей стоял таз с букетом засохшей сирени. В довершение в прихожей стояли два странных белых кресла. Ему пояснили, что кресла из фарфора. Пол в квартире, начиная с прихожей, был покрыт каким-то мягким материалом, похожим на спекшуюся золу. Его повели в гостиную с красными стенами разного оттенка. Вдоль стен по периметру установлены телевизоры. Потолок был зеленый. Расспросив, посмотрев документы, договорились об оплате, его повели в ванную комнату, затем в столовую, где был интересный стенной шкафчик в форме какой-то древней ладьи с головой хозяйки на носу. Голова была механическая, она открывала рот

и ворочала башкой по сторонам. Это были искусно сделанные часы. Пепельница в форме головы. Странно знакомое лицо. Ба! Это же Лев Толстой.

Затем хозяйка проводила баптиста в комнату с черными обоями. На прощанье хозяйка оскалила зубы, вынула откуда-то из-за спины нож и всадила его себе между ребер. Нож расцвел черным нарциссом. Хозяйка мотнула задом и прикрыла за собой дверь.

В комнате белая деревянная мебель. В углу бюст козла, точнее барана с огромными завитыми рогами. Да, очень похож. Пикассо! На столе в янтарной вазе гвоздики. Свет шел с потолка, лампы скрывались в углублениях по периметру потолка. В другом углу квадратный диван белой кожи. Этот джэфист отличался от других тем, что отхлебнув вещества, он засыпал. Отхлебнув глотков пять из походной фляжки, Гаариил рухнул на белый диван. И видел он сон.

На подворье стояла пустая и поздняя весна. Вдова голосила. Дочери бегали по соседям. Тихие реяли весь май вечера. Серая дымка кипела всякий вечер у края неба. Кроме конуры во дворе стояли сарай и хлев с курятником. Рукомойник прибили к столбу на улице. Но главное, что умер тот, по кому голосила вдова. Человек это вышел во двор, упал на землю и уснул навсегда. Собрались соседи и плакали. Плакала вдова и ее дети. И случилось это в день вознесения. И здесь произошло нечто чудовищное или чудесное. Народ принял решение сжечь умершего. И происходило это все в деревне, принявшей сегодня ночью Гаариила. И умершего сожгли, и дым поднимался ввысь, возносился в к солнцу.

Гаариил представил себе сожжение того умершего, по ком плакала в этой деревне вдова и ее дети. Матовый шелковистый воздух свернулся, как сворачивается молоко в чае, если добавить в чашку смородиновое варенье. И пошел снег. Откуда-то понеслись над землей колокольные звуки. И словно бы из-за горизонта потек над деревней колючий свет новых дней.

Оставим Гаариила досматривать сон. В этом месте повествование прерывается и следует: «Такое впечатление, что творцы создают мир типажей, чтобы эти типажи жили в последующих поколениях. Создаваемое творцами поле подражания, реализуют ряды потомков». Скучно, скучно... И кончается абзац таким утверждением: «Любовь, преданность и скука составляют основу любой эпохи».

Дальше текст вновь превращается в поток слов, ничем и никак не заданных и не ограниченных. Упоминание о какой-то женщине, которая курила, сидя на коленях Гаариила, потом сделалась такой маленькой, что уместилась на ладони, а глаза ее источали тоску и безысходность. Наконец, все свелось к тому, что автор и герой, в одном лице, назвали себя вождем. А, мол, женщина может быть или убийцей или женой вождя. Еще там был такой парафраз на тему убийства.

Трагедия, мол не в том, что убивают, а в том, что заставляют убить. Все закончилось каким-то разговором. Кажется, автор говорил с самим собой. Интересная фраза.

Говорили мне, не вселяйся в душу его. Вселился хвост мышинный в стрекозу! Так и получалось всегда, что я себя больше чувствовал чем и кем угодно, но только не человеком.

В черной комнате белый диван,
на котором лежал я в истоме,
пошевеливал тело и сам пустовал,
не вмещая иных анатомий.

Пустой череп Гаариила покачивался из стороны в сторону, а глаза, открывшись, перепархивали с предмета на предмет, не узнавая вчерашней комнаты. Изменения, произошедшие за ночь, перелицевали не только комнату, но и душу нашего джэфиста. Он выпался.

Однако ночь прошла только в его душе, ночь в природе еще продолжалась. Гаариил оделся и вышел вон.

Скальная громада ночи высилась перед ним. Наскальное изображение Луны, четкое и резкое выглядывало между чешуйчатой облачностью. В стройной тишине стройно висли звезды. Грудь, как водится в таких случаях, задрожала, какое-то шевеление началось во всем теле. Еще одна жизнь прошла. Что за сад его окружает?

Какие-то невидимые часы пробили «три». Глубокая ночь. Рядом прошел пес, похожий на льва. Джэфист обнаружил желтое пятнышко в воздухе у правого глаза. Маленький паучок спустился с ветки. Хороший знак. Можно что-то загадать, и это обязательно сбудется.

У Гаариила была подруга, казашка Саламандра. Она выбросилась из окна шестнадцатизэтажного здания. Очевидцы говорят, что она страшно кричала в полете. Наверное, от крика разорвалось сердце. Теперь ее нет, она мертва. Как это грустно. Саламандра возила своего джэфиста к себе в степь. Ее отец чабан. Она брала ночью коня и полуголая, словно, амазонка скакала по степи. Черная в ночи грудь тряслась в смурном сиянии степной ночи. Черная, блестящая она умерла в чужой стране, на чужой земле; степная земля ее бы оберегла. Глупая восточная женщина. Она умерла от любви, или от смерти. Она погибла на рассвете. Кровь растекалась из под распластанного на асфальте тела. А раннее солнце жгло покидающую тело душу. Ее война завершилась для нее поражением. И все же начинается человечество не в войне, но в колыбели.

Все еще ночь. Гаариил стоял у ограды сада и думал свою думу. И тень от фонарного столба, наверное, похожа на тень от эшафота, так думал джэфист, стоя под болтающейся на столбе жестяной тарелкой с лампочкой. В оставленном им доме, словно слепые котята, спали люди. Кто управляет человеком? Кому нужно, чтобы мы таскались по краям глупости и миражей. Может быть человек – это гигантское движение бога, но мысли о боге – только способ развития души.

Самая последняя мысль – это моя следующая приписка. Тогда семь лет назад, я этого еще не знал, не додумался до этого. А сейчас я верю, что вера в бога основывается и на одном мыслительном пассаже, который можно сформулировать примерно следующим образом. Если развитие человека беспредельно, то постепенно отказываясь от всего земного, всего, что связывает человека с его физическим существованием, с его бранным существом, его видимым существованием, человек способен перейти в область умозрительного существования, в область существования души. То есть вознесение Христа – это объяснимый на умозрительном уровне процесс, это просто новый уровень развития человека. И теоретически ничего необычного и тайного здесь нет. Это лишь результат работы над собой, полное растворение своего «я» в «я» других людей, полный отказ от всех индивидуальных желаний, вплоть до самых естественных – желания поесть, поспать, даже отказ от естественных отпращиваний и надобностей. Может быть тело в такой момент и умирает, как видимая глазу материя, но одновременно тело переходит в другое состояние существования материи. Вспомним три агрегатных состояния йода: жидкое, газообразное, кристаллическое. Не тоже ли самое происходит с телом, которое постепенно подчиняется только движению мысли, чтобы постепенно обратиться в эту самую мысль.

Но пока джэфисту до святости далеко, он направился в стоящий в углу сада туалет. При свете спички в коробочке для туалетной бумаги он обнаружил листки из «Тараса Бульбы» Н. Гоголя... Времена и люди. И пятьдесят пятый листок пришлось использовать.

Маска недоумения, которая появилась на лице джэфиста, когда он обнаружил Гоголя в туалете, чем-то напоминала уже однажды виденную баптистом маску недоумения. Да,

вспомнил. Это была осень. Навстречу переходила улицу когда-то знаменитая актриса. Подагрические ноги, белые чулки, каракулевая шапочка и черные полусапожки. На лице застывшая маска недоумения. Она так никогда и не смирилась со старостью. Действительно, ее смерть началась со старостью, а не со смертью.

Как тут не вспомнишь о том, что у Пушкина в его усадьбе в Михайловском было много клопов. И жизнь там проходила не только среди полей и рощ, но и крестьян в лаптях, печек и черных поддевок, няни-дуры, потливых барышень, кур, возков, пьяных извозчиков, невысоких дворцов, грязных бород. И современная любовь к Пушкину – это любовь бессилия. Кстати, сам Пушкин был крайне уродлив: на маленьких ногах, с большим лицом, карлик и урод, со вздорным характером, но гениальной душой. Это хорошо видно на литографии Линдрота, 1837 года.

Дальше по тексту сплошь бабы. Прямо таки болезнь какая-то. Сплошь бабы на уме были у меня семь лет назад. Все же нельзя мне жить одному и без женщины. Моя юдоль в общении вечном с женщиной. Там описываются на нескольких страницах какие-то две встречи с новыми женщинами, как он, кто-то, пытался их соблазнить. Впрочем, все описываемые штуки не полового, а какого-то мистического характера, нет в действиях некоего героя жажды совокупления, есть лишь жажда порабощения. Поработить и отбросить. Какое-то мистическое свинство. И без всякой связи с текстом приводятся имена Честертона и Чингисхана. И заканчивается очередной женский пассаж словами Бернарда Шоу: «Я еще когда-нибудь напишу про женщин, когда я буду уже совсем стар, и желудок мой совсем уже испортится, и я одним только краешком буду еще выглядывать на свет, тогда я высуну голову и скажу им: „Вот вы какие!“ – И юркну поскорее назад, а то заключают...» Кстати, нечто подобное мог бы написать и Чехов.

Но занавес закрывать рано, бал продолжается.

Следует описание расставания и последней встречи с женщиной, которую он – семилетней давности я – любил. Написано все не четко, неконкретно. Любопытна выдуманная сцена самоубийства этой женщины, у которой была собака – рыжий дог.

Над обрывом стояло дерево, ветви которого казалось держали на себе воздух пропасти. Девочка заставила собаку держать лапой зеркало. Получалось так, что, когда она спрыгнет вниз, веревка как раз удержит ее лицо на уровне зеркала. Она еще раз отмерила веревку, поправила зеркало. Затем надела петлю и спрыгнула. Веревка остановила ее на заданном уровне. И в зеркале остановилось навеки ее настоящее лицо. А собака умерла в тот же миг. Бархат ночи покрыл сном скульптурную группу и пропасть внизу.

И в душе джэфиста горькое небо опустилось на землю. И жизнь сделалась безрадостной, равнодушной, тупой и счастливой. Как тут не продать душу дьяволу. Сядь джэфист, посмотри на себя внимательно. Кто ты? Зачем ты? Почему ты? Куда ты? А над креслом, в которое уселся джэфист, чтобы посмотреть на себя, на стене мерцала надпись: «Дали – не художник, а банан какой-то». А в это время в комнате воняло падалью, в сундуке лежали трупы. Интересно, что в туалете в это же самое время пахло айвой. Иногда в туалете пахнет птичьим пометом. И пока Гаариил занимался собой, в соседней комнате автор писал «Роман с самим собой». Вымысел, глупость, ни сюжета, ни драматургии, ни результата, ни посылы. Широко раскрыв глаза, изо дня в день пишет автор свое произведение, исследует свою душу, исследует свои импульсы, пытается наметить свой путь. И просто болтает. Например о том, как в давние-давние времена в Индии появился джэф. И первый священник-джэфист вышел

перед храмом к толпе молящихся, и его, залитые «веществом» глаза говорили людям о каких-то розовых мирах и ценности безразличия. И никто не мог понять причину страшной бодрости жреца, народ думал, что это и есть чудо. И только жрецы знали причину и тщательно хранили много столетий секрет изготовления джэфа.

Вернемся в ночь и сад.

Гаариил вышел из туалета и пошел к дороге, к шоссе. Пройти нужно было километр или два, не больше. Навстречу странная процессия. Приглядевшись, он различил две процессии. Обе хоронили. Но в одной процессии люди плакали, рвали на себе волосы женщины, в другой, люди смеялись, приплясывали, танцевали, И все это было как в немом кино, без звука. Вокруг была нормальная ночь, нормальная деревня, нормальная природа, все пахло, росло и жило, а люди плакали и смеялись молча, точнее, беззвучно. Чудно! Оказавшись в гуще людей, Гаариил вдруг понял, что покойник один, но одни плачут, другие смеются. Чудно.

И вспомнился Гаариилу рассказ одного из своих друзей. О том, что Джон Леннон – это внук Маяковского. Разумеется, внебрачный. Как и когда пересеклись судьба бабушки Леннона и линия жизни Маяковского, никто не знает. Известно лишь, что произошло это где-то за границей, когда Володя Маяковский делал свой заграничный вояж.

Там, где проселочная дорога соединялась с автотрассой, стояли две скульптуры. Приглядевшись, Гаариил увидел Пушкина и Франца Кафку. Что-то у них общее в выражении лиц, они примерно одного роста и примерно одинаковый комплекс неполноценности в глазах. Фигуры были из меди, а окружены были небольшими оградами из каменных цепей. От удивления вырос у Гаариила во всю щеку огромный глаз, который на все это смотрел, не моргая. Жизнь закончилась, миссия учителя начинается. И вокруг головы джэфиста закрылся подозрительный ветерок. Приложи руки к груди и иди вдаль.

Там вдали стоят дети среди долины желтой. Дети, когда джэфист подошел, опустили свои наполовину красные, наполовину белые головы и что-то сказали. Затем Гаариил им что-то дал. Они взяли, поднялись на цыпочки и обрушили на Гаариила что-то. Гаариил ушел по уши в землю. Затем он вылез и засмотрелся на зеленое небо. Потом настал час любви. Из туманного горизонта выделилась, словно барельеф, какая-то баба, над головой у нее горят буквы – Мадонна. Затем баба превратилась в крест, который трансформировался в шар. А в небе свободно парит, как дельтаплан, распятый на кресте сатана. Затем шар превращается в золотое облако, из которого появляются две женские груди. Откуда-то появляются женские руки, которые начинают цедить из грудей молоко. Молоко с неба течет на желтый песок. Затем некоторые молочные капли на лету превращаются в нагие человеческие тела, которые моментально оживают на земле, начинают обниматься, целоваться, совокупляться. Вдруг оказывается, что Гаариил один из них, одно из этих нагих тел. Тела пьют небесное молоко. Затем некоторые тела превращаются в животных: верблюда, льва, орла и слона, А кто-то подпрыгивает и, набирая скорость и высоту, возвращается в лоно мадонны. С ними Гаариил, который откуда-то на лету вынимает нож и, уже находясь у цели, всаживает нож в сердце мадонны. Красная ее кровь плещется с неба на песок и там внизу застывает наподобие серы, но красной серы. Желтые глаза мадонны облеклись туманом. А в воздухе запахло влагой и сыростью. Тут Гаариил вспомнил, что ему нужно в зеленые равнины Междуречья. И он опустился на колени уже на земле в горькую и пыльную желтизну песка. С солнца упали три луча и образовали треугольник вокруг Гаариила. В руке Гаариила оказался воздушный змей, который заменил ему мадонну. И он пошел за псом, бежавшим впереди. А дети, которые стояли среди долины желтой, начали умирать. Но как-то странно, сначала у них из глазниц выкатывались глаза, затем они целовались друг с другом и превращались во что-то. А вер-

блюд, лев, орел и слон ушли в песок навсегда. Оказалось, что песок – это сплошное женское тело. Вот уже женское тело заполнило весь мир. Нет глубины и высоты – есть одно тело, которое скрывает в себе весь мир. И джэфист думал сейчас лишь о сохранении навсегда любви и верности к этому телу. Он просил автора наградить его преданностью и способностью к любви. Но его захватил черный поток и вынес наружу. Там он попал вновь в зеленое пространство, в котором у зеленой реки по зеленой траве бегали зеленые люди: мужчины и женщины с красивыми бедрами и раскосыми глазами. Слово в душе Гаариила победило мир.

С последним утверждением я не согласен. Это было написано семь лет назад. А я сейчас, после всего увиденного там, считаю, что слово в душе Гаариила не победило мир. Увы, такова реальность, он нее не отмахнуться.

Как вы относитесь к предметам? Вы к ним равнодушны? Вы к ним относитесь потребительно. А ведь у предметов жизнь тяжела. Предметы бьются за свою судьбу, предметы противятся всякой перемене, если перемены предметам во вред. Предметы рушатся один за другим, потому что не выдерживают, но у предметов есть последняя защита, когда ломается их судьба, тело предмета. Достаточно иметь предмету тело и рядом свет, все, предмет жив. Свет преобразует тело предмета в тень, значит, предметы убивают свет. Но свет – безмозглая тварь впрочем, чрезвычайно плодовитая. Но самое верное средство размножения света – зеркало. Поставьте перед зеркалом свечу. Свет, отпрянув от огня, помчится дурашливым зверем навстречу зеркалу, а там его ждет совокупление, и вот уже разъяренным зверем свет мчит назад и в стороны. Свое начало свет понимает только в зеркале, свет видит себя в зеркале. Но, если свет забирается внутрь ракушки, которая лежит на речном дне, тогда свет там и остается.

Гаариил продолжает тем временем исследовать пустые коридоры в пространствах, перпендикулярных этим. А там только и делают, что разглагольствуют. Например о том, что крест – это его вертикаль, крест – это его горизонталь. Крест начал с бога, а кончит сатаной. И так далее.

Еще одно интересное замечание.

Пишется роман, пишется жизнь. Одна из героинь Гаариила поехала на Волгу с каким-то мужиком. Там они позанимались любовью, затем насобирали грибов и наварили, затем наелись. И только чудом выкарабкались из забвения. Кстати, оба были джэфистами. Она долго после этого путешествия лежала в больнице.

Другое сообщение. Погиб младший дружок джэфиста, молодой джэфист, начинающий. Ему еще не было семнадцати. Наматывают цепи на руки, молодым советовали старые джэфисты. И молодые намотали. Город перед ними завизжал и встал на колени, истерзанный и раздробленный. После слишком большой дозы джэфа молодой, начинающий джэфист перепоясал самого себя от виска до виска цепью. Все.

В ряду просто фактов газетное сообщение о том, как «волк состязался с локомотивом». Волк бежал по шпалам, когда его осветил прожектором локомотив. Зверь испугался и кинулся вперед. Через некоторое время локомотив настиг волка и сбил его в сторону. На станции машинист рассказал о случившемся товарищам. Те, захватив ружье, вернулись на линию. От места столкновения кровавый след тянулся в лес. По следу железнодорожники нашли и убили волчицу и волчат. Свиньи, что тут можно добавить.

Один из пустых коридоров – в пространствах, перпендикулярных нашим пространствам – привел Гаариила в могилу, в которой стояли друг против друга усопшие: героиня, поевшая грибов (она умерла в больнице) и молодой дружок-джэфист. Они стояли в той могиле без языка и покровов, уже давно вылезли наружу обветшалые глаза и мысли, давно уже поседели и стали вылезать волосы. Они давно превратились в выродков без желания и чести. «И как это часто бывает, что, чего люди упорно добиваются, того и достигают. Фету всю жизнь хотелось разбогатеть, и потом он сделался богат». Эти слова принадлежат Льву Толстому. А воздух заколыхался, а посреди могилы из воздуха появился стол, а на столе возникла эмалированная кружка, а в кружке той заколыхались три агонизирующих тюльпана – любимые, между прочим, цветы Льва Толстого. Один цветок отвалился от ножки, и бесшумно загрохотали лепестки по полу-земле. И каким-то неведомым образом вслед за лепестками опустился вниз стебелек: лежит зеленый трупик-стебелек, вокруг него багровые, скользкие и глянцевые мертвые лепестки. Зашатались лепестки на двух оставшихся цветках. Сентиментальная страсть цветов – страсть к смерти.

Сентиментальна была всегда и русская философия, хотя ее всегда отличали – практичность, общедоступность и серьезность. И к каждому из представителей русской философской мысли дьявол на помощь приходил и искушал, и уходил.

Кстати, как и у Франца Кафки уши Гаариила всегда были заткнуты ватой.

Семь лет назад я самому себе сегодняшнему написал письмо. Вот оно.

«...Я сел на табурет, он закачался. Я достал рыбу, подложил под ножку табурета. Я боялся включить свет, а, если в комнате пусто!? Я боялся открыть глаза, а, если задернуты шторы. Я не издавал ни звука, а, если что-то хваткое и безразличное подойдет ко мне и упрется в меня своим метровым всеядным рылом и подопрет меня своим желтым телом... И нам нужно обязательно что-то сделать и утвердить, и понять, чтобы я перестал всего на свете бояться: 1). Всюду нам нужны клубы, которые объединяют людей, похожих на меня; 2). Ключевский понимал историю как некий пейзаж жизни; 3). Что больше: история или искусство? Ясно, что своеволие – основа события. И, например, Шекспир может служить своеобразной лакмусовой бумажкой своеволия. Если кому-нибудь нравится Шекспир, стало быть такой человек слаб; 4). Гению – гениальное общение. Русскому гению – русское гениальное общение; 5). Васнецов, Платонов, Коненков – юродивые; 6). Есть три важных устремления: политика, партия, искусство; 7). В одном ряду: Врубель, Шагал, Кандинский, Сутин, Филонов. А Рубенс для них уже шут; 8). „Искусство существует двух родов, и оба одинаково нужны – одно просто дает радость, отраду людям, а другое поучает“. Лев Толстой. 25.7.1902 г.; 9). Искусство развивается в две враждебные стороны: а). Искусство симметрии, искусство покоя и развития. Искусство, которое перерастает в стоицизм. б). Искусство, которое создают юродивые и идиоты. А, как известно, для леса и скал проще, когда природа рождает сплошь идиотов; 10). Сегодня остаться в русской литературе равнозначно месту в мировой литературе. Прощай».

Самое достоверное – последнее слово. Уже никогда тот – семилетней давности не встретится со мной сегодняшним. И я сегодняшний имеют права на себя, хотя и больше, чем тот, семилетней давности, но меньше того, который будет через семь лет и даже просто завтра.

Свежей ватой Гаариил затыкал уши по утрам. Он вышел на трассу из небольшого соснового леса и сел на желтую песчаную обочину. Подошел коричневый пес и лизнул его в руку. Пес был так стар, что остались в глазах его только скука, ум и бессилие.

Машина поддела Гаариила в тот момент, когда он думал о хрустящих под ногами ветках, именно, ради этого хруста его всегда тянуло в лес. Гаариил покатился в одну сторону, пес отпрыгнул, точнее отшатнулся в другую.

Ветер повернул джэфиста на другую сторону. Пошел дождь. Кончился дождь. Со стороны деревни прилетела муха. Муха жужжит и этим жужжанием заполняет пространство в тысячу раз большее, чем объем ее собственного тела. Мушиный принцип заполнения пространства – жужжание. Муха, словно предупреждает о себе: «Что-что, где-где, зачем-зачем, игра-игра...» А биологический позывной комарихи: «Есть-есть...»

Пес подошел, понюхал Гаариила в шею, округлил свои коровьи глаза и принялся лакать из лужи дождь.

Уже вечер. Это какой-то ужас – заходящее солнце. Тело – как предмет – умирает, ведь исчезает тень. Нет тени – нет предмета. Небо темным и ровным цветом укрыло геометрию горизонта. Интересно, что таким же вечером погиб «изобретатель» джэфа, он утонул в море. Через каких-то несколько месяцев «вещество» распространили по всей России. И, напомним, что главный компонент «вещества» – корень эфедры, растения из Средней Азии.

Любопытно, что к джэфу организм не привыкает. К алколоидам опиума и героину человек привыкает через две-три недели; затем требует через некоторое время все большей и большей дозы, увеличения количества «кубиков». Бывает ежедневная доза до сорока кубических сантиметров («кубиков») морфина. ЛСД – очень дорогой наркотик. И только джэф доступен всем и каждому. В этом его главная опасность; и еще в том, что сохраняется иллюзия независимости от джэфа, ибо нет физиологического привыкания. Увы, психологическое привыкание страшнее. «Вещество» забирает душу.

«Больше ада! Больше рая!»

И, главное, чем хорош бег, что во время бега ни о чем не нужно думать, и ничего не нужно знать.

Очнувшись, первым делом Гаариил открыл рот. Все в порядке. И глаза смотрят, вон деревенский фонарь свечой горит сквозь придорожный лесок. Где же была эта проклятая интуиция, когда я сидел на этот откос?!

Наверное, не к месту, однако, мне хочется здесь привести слова Льва Толстого: «Современное мировоззрение считает устарелую, отжившую способность женщины отдаваться всем существом любви, – и это ее драгоценнейшая, лучшая черта и ее истинное назначение, а никак не сходки, курсы, революции и т. д...» Меня волнует тема предназначения женщины и, вообще, женский вопрос. Гаариила он волновал не меньше. Однако почему какая-нибудь женщина своею любовью не уберегла его от машины? Почему?

Мирно плыли ночные облака, ночная благодать и покой опускались на деревья с опущенными к земле ветвями. И напоследок привиделся джэфисту красный корабль под парусами, который спустился за ним с небес. И понес его куда-то под парусами.

Так кончился наш розыгрыш, который надеюсь, удовлетворил всех троих.

Конечно, это и есть поиски результата, но все же не того, который рождается из логики, накопления, опыта, развития.

СНАЧАЛА БЫЛО ТЕЛО

На одной из страниц книги, купленной в лавке букиниста, Олег наткнулся на женский темный волос. Купил он «Девятое термидора». Он почему-то сразу понял, что этот волос любовницы автора. Ничем нельзя объяснить откровение Олега; сия мысль похожа на бред, может быть объяснена уродством воображения, дистрофией душевного развития, а? Или тревогой духа, которая более напоминает ограду White House, к которому впервые подходишь в Вашингтоне; при этом Вашингтон никак не меняется, разве что нищий русский – бывший рыбак с Камчатки – немного повернувши корпус влево, слегка пернет в небо. И небо его не услышит – до того ли ему, да, и есть ли дело им друг до друга: камчатскому нищему сегодня, и русскому юридическому завтра, там, где кончается жизнь и начинается жи-и-исть (тоненько пропел голосок дрожащий, козлиный, впечатлявший всех тех негоциантов, которые от земной жизни).

Впрочем, я отвлекся; цветы жизни, Цветы зла меня не окружили, а окружила меня всякая добрая рвань и голытьба, и голь перекатная, одним словом, при подходе к House W., я вспомнил волос любовницы его вновь и подивился исторической реальности обратного хода времени, я подивился разности впечатлений и разности взглядов. Адюльтер? Только адюльтер! Или нет? Стоп! А может быть это не адюльтер? Может быть, там была между ними дикая и кошмарная связь, совсем такая, какая была между Шанель (хоть номер 5, хоть 19, одним словом, бес ей в ребро) и бывшим русским офицером, великим князем N+1... Нет, не думаю. Ибо ведь (!) и произведения, например, под названием Алданов N5, потом не было.

Что же это была за страсть?! Ах, как хочется узнать, как же хочется увидеть и услышать. Может быть вызвать самого мэтра.

Как будто легкий экипаж пронесся к морю —
и терпкий запах лилии, и сильный блеск белка —
в нем дама странная – одна и покоряюще мила.

Где же это было? Да и было ли, или то есть плод моего нелепого воображения. Да, конечно, предметного, но и не более.

Боже, боже мой! Любезный! Как вы изменились?!

Вообразите себе: совсем лысая голова, совсем ввалившиеся глаза, – разве что не антомически-могильно-трагический череп во всей его безыскусности, – и все что ниже также болтается, наполненное костями, облитое шероховатой кожей – это все напоминает нечеловека. Конечно, конечно, я вовсе забыл, – прошу вас не дышите мне в череп своим посясторонним дыханием, я постараюсь описать все так, как слышу, – что вы уже «летите», точнее, улетели уже туда в посясторонность мира бытия и трапезы духа, которому нет конца, но, где же начало, таки?!

Глубокоуважаемый, Марк Александрович Алданов (Ландау)!

Я ведь вас описываю. Понравилось? Весьма вам признателен за признание моих скромных способностей. Я пишу вам письмо не только о том, что я признателен вам за ваши романы, но и за вашу любовницу, которая оставила нам свой волос; она страдала, она любила, она хотела вас, но вы ей не ответили. Почему? Отчего вы были так суровы, на что вы ее обрекли?! Да, да, знаю, вы скажете, что обрекли ее на историю. И вас очень понимаю. Совсем недавно, не далее, как в нынешнем году 1993 от Р.Х. любовница моя обречена была на историю: ее имя останется в истории благодаря ее связи со мной; ей останутся мои строчки, она их сохранит для потомства (только она никогда не узнает, что строчки эти далеко не полное мое отношение к ней, хотя, собственно, это и не нужно). А, вы говорите,

что не знали о ее существовании? Да, но почему же я вообразил себе, что вы были любовниками?!

...И я не знаю.

Книгу вашу наша любовница купила в Берлине: 1923 год, книгоиздательство «Слово», а может быть в Москве, а может быть...

Словом, не имеет значения.

В сентябрьском скверике, подальше от толчеи, поближе к воде и легкому осеннему небу Ольга нашла скамейку, слегка застыла, закрыв глаза, помечтала о чем-нибудь истинном, и раскрыла на ощупь книгу, только что приобретенную на углу, дышащих городским сперто-пометным ладаном, улиц. Солнце кроило через витринные окна магазинный зальчик на несколько тихих пустот, в которые входили редкие покупатели и лежали навалом книги. «Девятое термидора» лежала на виду, так же, впрочем, как потом лежала через семьдесят лет на прилавках «Книжных миров» менее или вовсе не художественная писанина о «25 октября», о дате, которой уже не существует в ее первоизданном состоянии; значит, и событие, произошедшее в тот день, вызывает страстное сомнение.

Нет!

Сомнений более нет. Я вспоминаю, солнце было неярким и таким заманчивым и таким ностальгическим (один черт, о Москве или Берлине, словом, не имеет значения...), что после нескольких первых страниц Ольга задумалась глубоко и значительно-важно, она воспарила к небесам, но они не приняли ее мысль в свои пенаты, а потянулись к ее ланитам; было зарделась щечка одна, затем иная, как у моей куклы, которая принадлежит моей дочери старшей: ах, как больно быть отвергнутой, ... какое наслаждение быть отвергнутой!

«Отвергаемой...», меланхолически обронила вслух Ольга. Но слух ее подвел, и ее повело далеко за пределы небес, ей вообразилось, как она становится барышней, которую любит этот вот автор, написавший эту вот книгу: «Девятое термидора», в которой между 12 и 13 страницами запал волос. А он – волос – требует особого описания. Он длинный и хороший и не омерзительный.

Брызчатая легкость осеннего дня прелестна всегда и во все времена, и всюду. Переливается солнце под перламутром неба, люди ходят вокруг и около, худые и толстые, мужчины и вовсе немужчины, женщины и дети; на перекрестках раздаётся пение, трепет в воздухе, холодно только внутри, а снаружи уже светло и раскатисто, и нежно так, нежно. И вдруг! Веретено вонзается в глаз, проникает сомнением в мозг и сердце, гадать не приходится: женщине хочется и все тут! Вынь, можно сказать, и дай-с.

О!

Он так соскучился. А как я соскучился, я ее ласкал и любил с таким наслаждением, как может быть только в Ялте в октябре 1912 года. А уровень и накал моей чувствительности оказался сравнимым по силе разве что с чувствительностью московского ноября 1912 года.

О!

– Какое же я животное!.. О-о-ох... Да! Да! Еще! Еще! Да! Да! Еще! Боже!

Внутренний рокот удовольствия, смешиваемый с горячью губ, пронизанный невысказанной страстью тела, вырвался утробным стоном, не женщины, а сильного, качественного животного, которое скрывали от себя, запрещали выходить на прогулки, обрезали косы, надевали на лицо покрывало, мазали грязью – не помогло. Животное победило.

О!

Мы с ней – единое существо, нам так не достает друг друга, но и отбрасывает друг от друга, поскольку мы совершенно не одинаковы. Конечно, многое чушь. Мне хочется ее любить, мне нравится ее любить, собственно, и все на том. Но то и главное. Все досужие разговоры о чем-то еще в общении с любимой женщиной – есть умствования. Любовь – это прежде всего тело, а уже затем все остальное. А ей нравится быть со мной. И ей, видимо,

очень хотелось почувствовать во рту мой сильный и объемный член, а затем вкусить его сок, обжигающий и терпкий, наполняющий рот и перебивающий на мгновение дыхание.

Нет мужчины и нет женщины, есть человек. Поэтому и рвутся друг к другу мужчина и женщина, чтобы получился человек, который осветил бы своим священным огнем дух и тело каждого. Человек был разорван на мужчину и женщину, которые суть части единого божественного существа. Человек – это есть бог.

Сначала было тело.

Боже! Кто это и о чем?

Я не понимаю, кто вмешался в наш неторопливый рассказ? Все просто. Женщина решила расчесать волосы, на мгновение небеса провисли, задремали, и женские мысли трепетными птичками вонзились в небеса. Задрожали небеса, покровы затрещали, тайно прокинулось, наземь грохнулись все неподкупные стервецы, а женщина получила доступ к постороннему воображению. И дух Ольги соединился с духом автора. И вдруг волос упал между 12 и 13 страницами.

Духовные любовники были вместе недолго, до первых петухов. И автор этого не понял, не помнит, не знает, ибо он упал в обморок, который длился с... до первых петухов. Воды отошли, сок забурлил, автор очнулся с темным томлением и неясным ощущения приобретения. И только волос в закрытой, и уже более не открываемой до 2 апреля 1994 года, книге напомнит нам о событии семидесятилетней давности.

Глубокоуважаемый, Марк Алданов!

Вы должны были почувствовать после той сентябрьской суточной болезни ужасное ощущение недоощущения. Давайте, исправим нас. Напишите письмо вашей духовной даме сердца. Я помогу вам, я материальная сущность.

Читайте!

«301223

Сегодня и вчера мне не доставало Ее. Я пересиливал себя, чтобы не написать. Абсурд, бред, кому, что? Нет же никого. Но я физически ощущал Ее страдания. И страдал не менее, или более, поскольку страдал за двоих. Горькое и столь же бесконечно сладостное страдание. Боже. А еще я жил и иногда представлял себе, как сквозь меня проходит ветер, свет, я прозрачен и пронцаем. Пишу в поезде. Прислонись лбом к окну, стекло холодное и льдистое, а на небе за тучами маревый круг луны. Боже. Сохрани нас вместе. Дай нам сил превозмочь себя. Какая же у Нее кожа – чудо. Ноги, грудь, туловище, промежность – все расположено к любви, все создано для любви. Боже. Тело любви – если это возможно – это Она.

311223

Во внутренней России многое сохранилось. Незыблемость отношений, порядков, лиц, слов, одежды. Богатеют отдельные люди, отдельные районы – Москва, Нижний, Петербург, а российское исконое остается исконым. 23 год – это был мой год, год любви.

010124

Первый день 1924 года. В деревне. Сидим при свечах. Тишина, тепло. Ну и что. Нет ничего, чтобы напомнило о прошлом. Все просто и обыденно. Нет ничего важного: все растворяется в простоте. Я теперь знаю, что это такое: обыденная простота – это узость и малость мира, это ограничительные механизмы, заложенные в мозги и регулирующие поведение в очень жестких рамках. Она – часть моей души. Никому не отдам свою душу, даже часть ее. Великосветские думы и чувства, и образы ни на секунду не оставляют меня – всегда Она. Мы останемся вместе. Я не хочу расставаться. Но мы найдем нужную трепетную формулу. Мне нужно выйти еще выше, чтобы совместить в себе все то, что прежде и до сегодняшнего дня оставалось несовместимым. Это и не нужно совмещать: ибо это все разное и трепетно родное, и потому все это просто сосуществует. И не нужно ничего придумывать,

надо лишь стать выше. Более. Счастье означает полноту жизни, никакой ущемленности. Не спится. Скоро 2 января. Время замедляется.

020124

Я молю господа: Ее сохрани мне. Эти прелестные движения, ноги, ждущая любви грудь и спина, великолепный живот, и зад несравненно прелестный. Убереги Ее от резкости и отчаяния. Дай ей силы для меня. Я рядом, и я сжимаю Ее зад. Как же я впился бы сейчас в Ее губы. Рядом с ней, обнимая Ее, не понимаешь меру чуда; только в отдалении понимаешь – это не повторить, это – чудо несравненное. Господи! Убереги ее для меня. Господи! Убереги Ее от сомнений, отчаяния и пустоты обреченности и гордыни ума, дай Ей силы ждать. Я хочу и, я не отдам Ее в мир. Нет. Господи!

060124

Одно знаю. Я испытывал Ее лишь в той мере, в которой испытываю себя сам. Постоянно: каждый день, каждую минуту, задавая себе вопрос – а способен ли ты?... Господи! Сохрани Ее для меня, для себя. Господи! Сохрани Ее. Я научусь делать выбор. Поэтому нужно время. И подошло время отдавать Ей все мои силы. Все мои тонкие силы, которые увеличиваются настолько насколько я их расходую. Милая, подожди. Я с тобой ради тебя. Ты сказала главные слова. Ты оказалась сильнее меня: это и нужно было нашей судьбе. Теперь начинается наша совместная жизнь. Какая она и куда она – я не знаю. Но начинается новый отсчет новых часов. Господи! Убереги Ее. Сохрани нас друг для друга.

260224

Уже 1924 год. Иного нет. Мне много лет.

Правды нет. Я вчера купил букет желтых хризантем, любимых Ею. Я положил цветы в ванну с водой, думал так лучше для цветов. Но цветы разные. Роза в воде оживает, а хризантемы, пропитавшись водой, сломались, когда я попытался поставить их в вазу. Так и Она. Так и я.

280224

На сломе дня и ночи. Ухожу. Нашел квартиру в центре, на Арбате. Не знаю нравится мне это жилье или нет, но я там поживу.

060324

Очевидно, я стал раздражительнее, мельче, доступнее для обидных эмоций. Конечно, я слаб, это показал мой жизненный цикл, проведенный с Нею.

150324

Вчера думал о Ней. Жалел Ее. Но сегодня утром во сне увидел, как Ее кто-то обнимает, и чувство досады посетило душу. Господь с ней.

240324

И я постоянно думаю о Ее теле: в лучшие минуты я с огромным наслаждением ласкал это тело, и сейчас я его вспоминаю, я ласкаю ноги, бедра, бока, нескончаемо плавные и гармоничные впадины между бедрами и торсом, ласкаю языком промежность, мне забиваются в нос и рот волосы, затем я вхожу языком внутрь, нахожу кончиком языка этот упругий бугорок, составленный из резких чувств, наслаждений и растерянной боли. Грудь Ее: когда набухали соски, когда Она начинала своими руками сильно гладить свою „яичной округлости“ грудь, все это возбуждало так, словно, каждый раз все происходило наново. Вчера вспоминал наши восхитительные по пронзительности минуты и встречи. Когда я опоздал на час, Она стояла под стеной, я обнял Ее, причем так, будто пытался вобрать Ее в себя. И как же я берег Ее, охраняя от всех бед, я дорожил Ею. Как по дороге домой я проник рукой под плащ, обнимая Ее ноги, я хотел Ее, до сих пор, вспоминаю и желаю – член возбуждается, но нет Ее рядом – проходит. Время великой скорби, великой радости, великого наслаждения – вот что такое наши отношения. Наполненность жизни, часто животной, то есть живой, иногда духовной. И я до сих пор не разгадал откровение, которое явилось мне в виде Георгия,

утром 21 сентября 1923 года, после проведенной вместе болезненной ночи. Одним словом, я не берусь себя и Ее судить. И вообще, о каком суде идет речь. При чем тут суд и зачем. Кто перед кем виноват, кто и что совершил; здесь нет преступников. Я ушел, но Ее позиция была великолепна, за исключением последних злых и нарочно обидных слов. В то же время мне сейчас кажется, что, если Она также как и я сейчас не переживает, не перелистывает и не переосмысливает, то нет смысла и держать Ее в голове.

Но.

Она близка к моему идеалу женщины. Очень. Она – главная, ибо с нее отсчет. И еще: не нужно от одной женщины требовать всего. Но можно этого хотеть и желать когда-нибудь.

250324

Я – есть труп, и во трупе том мне нет жизни и нет времени, которое именуется – ничего. Я стал никто. А был никем. Я так странно воззрился на собственную жизнь, что мне уже страшно за мою жизнь прошлую. Нет, не то. Какая же, к черту, „прошлая“ или „собственная“, нет ни того ни иного. Что прошлое? То, что минуту назад, или всегда потом; а, что такое – собственность? Это-то как и что? Словом, я переживаю потерю Ее. Я просто умираю на ходу, я уже не говорю о беге, я потерял всякое отношение к жизни живой. Что же такое сон? Я – это и есть сон. Я потерял вовсе. Я готов все бросить под ноги Ей, готов бросить... Но это лишь усугубляет мои страдания. Правда сейчас – это страдания дикие, переворачивающие грудь и сердце, ноги и рот, мозг и глаза, нос; и голос мой втыкается в центр моего существа. Боже, как же страшно тяжело. Боже, как же сильно страшно. Боже, как мне пережить этот упадок?! Как мне дожить до жизни?!

260324

Только и делаю, что думаю о Ней. Перебираю разные позы, разные места и виды, особенности при акте во все ее три прелестные и будоражащие отверстия: вспоминаю так и эдак. И постоянно хочу.

270324

Я, конечно, физически не умру от страдания после расставания с Ней, но физически поболею я изрядно. Хотя это все подтверждает искренность моих чувств и моих слов к Ней. Я ни в чем не врал. Слегка раздражает мысль о том, что Она не мучается. Но стало быть так... Или же я не знаю ничего о Ней сейчас.

280394

Думаю о Ней ежесекундно. Живу ею. Я не предполагал, что это будет так, видимо, я не предполагал, что это было так. Переживаемое мною чувство называлось во все времена смертной тоской. Я и не предполагал, что со мной подобное когда-нибудь произойдет, что такое возможно со мной. Я не предполагал, что могу умереть от любви к женщине... Странно, будто все это происходит не со мной, но это происходит именно со мной. Заорать бы. (И ору) Да. Возможно. К ляду скептицизм!

290324

Я хочу именно эту. Собственно, не распаяйся. Сутки проведенные в одиночестве, как бы отрывают от действительности. Ухожу в свой мир. Во время разговора с людьми о будничных и практических делах иногда ловлю себя, как бы взирающим со стороны на самого себя. Сегодня вечером вновь почувствовал в душе давно забытое чувство ража, которое жило во мне до духовного слома, начавшегося... Стоп. Она – не удар, не катастрофа, а подарок судьбы. Благодаря Ей я вспомнил о второй половине своего духа, у меня вновь началась деятельная жизнь правой половины мозга. Но чувство силы вновь посетило меня сегодня вечером – это точно.

Да. Я хочу вновь быть с Ней. Но это невозможно. Но нужно понять, что я вновь силен, всевозможен и доступен, и намерен на все.

300324

Сегодня увидел Ее. У меня все оборвалось. Я думал, сойду с ума. Это была не Она. Слава богу! Не знаю, что бы я пережил, когда бы это была Она. Боже, дай мне самообладания. Но я не хочу Ее видеть. Никогда. Я не хочу видеть Ее, о которой мечтаю, потому что мечты всегда окажутся лучше. Она – это мое открытие. Ее прежде не было. Предмет вдохновляемый становится вдохновенным, предмет не вдохновляемый не является таковым. Она – это мое открытие, а слава любого открытия всегда (на веки вечные) принадлежит ее автору. И никогда и ни с кем ей не будет так хорошо, как со мной. Даже, если я был „ненормальным“. Суть в том, что я был в ее жизни самым нормальным из когда-либо виденных и встречаемых ею. Я сегодня вновь решил, что никому ее не отдам. Слишком жирно будет этому склочному, самодовольному миру...»

Мэтр! Вы понимаете, что после того как вы придумали и написали сие, любовница умрет.

Ольга умирает. Долго и напряженно она вспоминает тот сентябрьский день, день соития, день духовного блядства. Ах, какое сладостное и возбуждающее слово – блядство. Хочется написать его с большой буквы – Блядство. А я в тот день была – Блядь. Как это прелестно. А где же книга, шамкает Ольга, поскольку умирает она в далеком 1994 году. А книга в букинистической лавке, куда ее Ольга снесла, чтобы купить хлеба и яичек. Про волос она забыла. Так давно все случилось. Но на смертном одре Ольга вспомнила все. И восхитилась своей жизнью и расцвела под апрельским небом. И пришлась ее смерть на седьмой день апреля 1994 года от Р.Х. В то самое мгновение, когда Олег открыл «Девятое термидора» между 12 и 13 страницами и обнаружил темный длинный, старый волос, несравненно прелестный и такой неблизкий, Ольга отдала богу душу, а любимому, наконец-то, полностью отдалась.

А между 14 и 15 страницами был заложен листочек, на котором поблекшими чернилами было написано: «Все эти слова, чувства вызваны тобой, а потому тебе нужно знать это все. Наконец, я не могу смотреть на других женщин. Точнее, могу смотреть, но не хочу их. Мог бы, но не хочу, они мне скучны. И это – твое. Я люблю тебя. И можешь делать с этим что хочешь.»

Текст был в старой транскрипции.

ВЕЩИ

«...Орла нынче затаскали, на всякое говно ставят.»
(Великий князь Василий Александрович Романов)

<...>Вещи приобрели странный вид и ошупь. Странное появилось ощущение, я нажимаю пальцем на вещь, а она прожимается, точнее, в пальце, причем в любом, появляется ощущение, что вещь, причем любая, стала податливой. Я нажимал на вещественные предметы под землей в метро, на кухне дома, в публичных зданиях, всюду, и все безрезультатно – результат один. Как же так получилось, что я стал проникать в суть вещей, в их материальную суть, каким образом пальцы сподобились раздвигать материальную сущность недвижимой материи.

<...>Сегодня последний день перед Пасхой, религиозный или духовный праздник настанет ночью с субботы на воскресенье. И хочу утром выйти из дома пораньше в эту теплую глубину города, который называется Москва, которая также косноязычна, глупа и провинциальна, как и все остальное, что я видел, впрочем нет, мир весь таков. Но некоторое зримое удовольствие мне доставляют некоторые детали этого мира, например, магазин, в котором продается церковная утварь, например, головной убор, который напяливают на себя священники, ничего смешнее я не видывал, хотя, яйца все же любопытны, а, что, ведь тоже вещь. Магазин на улице, которая называется Арбат и, которая выложена плиткой, наподобие брусчатки. Тоже хорошая вещь. Кажется, я взялся писать про вещи, причем, любые. А пока собираюсь пойти на темную и ночную улицу, пройтись по проулкам и войти в церковные дворы города этого, в котором люди готовятся войти в себя, тех, которые, как они верят, еще существуют, еще не умерли окончательно, а иначе зачем было бы изменять себе, если бы не надежда все изменить. И странен этот мой приятель, который был неудавшимся театральным режиссером, неудавшимся поэтом, неудавшимся коммерсантом, неудавшимся любовником, таким же, видимо, и священником получился. Ловко подлец устроился: во время исповеди посоветовал мне смириться с моим поражением, не дав мне никакой надежды, никакой силы не влив в меня – слабак несчастный, или счастливый слабак, собственно, это ничего не меняет. Очевидно мне, что он не верит в Бога. Члены паствы превращенные в вещи. Чтобы понять человека, исповедуйся ему, превратит он тебя в вещь, которая имеет надежду только на надежду, которую ему могут даровать, а могут не даровать свыше или в человека, который может приобрести новые силы только из веры в себя. А еще там была дорога, было мое раздражение, автобусы, дом грязный и противный, баранина, которой было много и, она была жирная, ее жрали и жрали после поста, во время которого не жрали, а ждали, чтобы пожрать. Допустим, не было во дворе качелей, но то, что я себя там смешно и глупо чувствовал, это наверно, я к этому дню сделал и приобрел, и потерял столько, что я уже не мог быть в таком подчиненно-подобострастно-добродушном состоянии, в котором должны были быть все, кто туда приезжал или приходил; а сам предмет поклонения-подобострастия, разумеется, любовался плотью этой милой дамы, и совсем это не плохо. Я только хочу, чтобы было то, что есть, а не то, чего хочется скрыть. Хотя я часто занимаюсь скрытностью, например, я часто вру, когда меня вынуждают признаваться в содеянном, но я этого не хочу, ибо всего, и в подробностях объяснить невозможно, порой нельзя, ведь не сру же я на людях, так и некоторые дела и мысли, которые помогают гигиенизировать жизнь, нуждаются в закрытии от всех глаз, иногда и своих даже. Я скрываюсь от людей, когда я превращаюсь в вещь. Самую настоящую вещественную вещь, немного нелепую в своей одиозной несчастности и нелепой одиозности, требующей внимания, чтобы переместить вещь из будущего в прошлое, что так легко делает человек, но не может совершать вещь. Я люблю вещь, но

люди не понимают меня, поэтому, конечно, осудят меня за мое стремление стать вещью не в себе. Я пытаюсь запомнить все свои минуты и все время воплотить в памяти, когда я был вещью настоящей, а не двурушнической. Как это странно, когда из состояния сна переходишь в состояние сновидений, когда из состояния вещи переходишь в состояние человека, такого беспокойного и такого немного и такого пронзительного и такого нелепо каверзного, что уже нет больше моих сил, я хочу забыть эту солнечную Александрию, и девушку молчаливую, вышедшую из машины, которую она поставила к обочине, чтобы зайдя в магазин и выйдя оттуда, вновь войти в машину у обочины. Я же стоял и видел, но я не существовал для этой девушки, которая вышла из машины, чтобы вернуться, а вне ее через несколько минут, которые она потратила, чтобы купить в магазине подгузники для своей люльки, мой тетя, которая в палатке, а в частливое, она так оераздражающее близких детство.

Но и она осталась только одним малым движением: из машины и в машину, во всем остальном она была для него, который был я, вещью. Но никогда она меня не вспомнит, в отличие от меня, который помнит все, потому что я хочу обогатить русский язык, русскую речь, русскую нацию. Я не пугаюсь быть вещью, я боюсь остаться вещью. Я был вещью для старого юноши и старой девушки; они не любили друг друга, а потому себя. Они меня никогда не увидят, и не видели никогда. Она была белая, а он нелепый, она была старше и нелепо одета, а он моложе и с бессмысленным глазом, он, кажется, что-то ел, а может быть не ел, но, очевидно, что она ничего не ела вовсе. Они стояли, затем сели, затем сидели, затем она ткнулась о мой взгляд и отпрянула, как испугавшаяся лошадь, нет, как нервная и почуявшая большую, чем ее, силу, потому отпрянувшая резко в сторону и назад. Так там назади она и осталась сидеть с ним. А я вышел вон, оставив их в состоянии вещей. Да я и сам бывал неоднократно вещью. Ничего страшного. Нормальное состояние. Со всяким случается. Я неоднократно бывал в состоянии вещи, например, для старой женщины на старом русском ныне Севере.

<...>В начале декабря на восточном побережье России забивают оленей. Горло режут острым большим ножом, отчего олень умирает сразу и навсегда, оставляя свое тело на морозном снегу, под красным северным солнцем, но ради красной замерзшей крови. Потому что человек научился убивать только ради убийства. Вчерашний день никогда не заканчивается, он может только начаться не так как сегодняшней; но еще долго замерзшая кровь будет покрывать ледяной коростой память и памятный образ мужика, который шагнул слева направо в кровь, хлынувшую из опрокинутого оленьего горла, и оставил навсегда в моей памяти кровавый ледяной след. Я помню в следующее мгновение хруст его шага: красное по белому, красное по красному, красное по красно-белому, и нескончаемый хруст, который удаляется, но никак не может удалиться. А еще я помню беззастенчивую глянецовость морозного воздуха, который толкался между убийцами и валялся промеж трупов убитых и создавал иллюзию мыльного пузыря, в который будто в прозрачно-призрачный кокон-сферу было заключено маленькое (так с самолета увиделось) озеро с двумя искусственными холмами (холмик отрубленных оленьих голов с рогами поверх печальных черных с глянецом глазами и холм оленьих трупов), с кровоподтеками по льду, и круглый берег, с одной из сторон которого сооружен деревянный турникет, бывший одновременно последней преживленной дорогой и плахой, наконец, абсолютное спокойствие и тишина, почти ужасная и почти полная. И все это – видимое, зримое, наблюдаемое и ощущаемое эмоциональное удовлетворение в перемешку с морозом под минус 50 градусов по Цельсию. При такой температуре на фотографии очень хорошо видно, как дыхание конденсируется в туманное облако морозной пыли, которая окутывает голову и плечи, а лица уже почти не видно. Оленей уже всех убили, убили всех убитых и всех мертвых, всех всех, кого хотели убить и кто не хотел быть убитым и кто ничего не понял, а такие также были. А еще чуть поодаль ветхие тонкие избушки, разве что не на курьих ножках, в этих избушках живут люди, у которых иной распорядок

жизни, другой отсчет времени, среди них живет старая-старая женщина, она уже потеряла чувствительность: она в пятидесятиградусный мороз берет голыми руками железный топор и рубит для печки колышки – маленькая железная печурка – и совсем не замерзает в избушке, в которой одно окно с одинарным остеклением, дверь с щелью и холодные досчатые стены – здесь никто не требует от женщины прописки и права собственности на землю. На стенах изнутри наклеены красавицы и красавцы, вырезанные из журнала «Огонек» времен начала семидесятых. Железная шишкастая кровать и земляной пол. Это начало девяностых, северные районы России. Это отпрыски биологического человека, ответвление на древе человеческой расы, которое явило свету биологическую народность, людей, близких природе и живому свету, но далеких технической цивилизации, очень близких свету, но далеких тени. Та старая женщина не видела меня, не понимала моего существования, меня для нее не было: для нее зима, словно, один день, в таком же масштабе у нее движения и мысли, поступки и решения, жизнь и смерть. Она видела сквозь меня свою реальность: голубое изразцовое небо с радужным отражением красных бликов от льда озера до морозной пыли облаков, тронутых нежной поступью солнца – ветер сюда не доходит, храмы здесь в ветре, земле, оленях, траве и воде, солнце и в храме сердца своего. Старая женщина видит сердцем своим, она видит сердце свое на ладони мира, она видит этот мир своим и себя миром. Она – это и есть мир, в котором нет события, нет тревоги, нет ничего кроме мира, есть одна мудрость движения в движении. Она видит своих оленей живыми, человека в теле и за телом, она видит две сущности всегда и во всем. Только я для нее не был живым, я для нее был вещью пространства, окружающего ее, которое иногда бывает независимо от нее, причем только тогда, когда она забывает приносить жертвы времени, в котором она живет. Боже, какой бред. Введи убитого оленя в дом, сделай его предварительно страшной вещью, и он воцарится в доме страшно и надменно глупо; или оставь его живым и царствующим только для себя, чем и отличается животное от человека: первые царствуют для себя, мы царствуем для рядом живущих во времени и в пространстве времени.

<...>Бедный Гришаня, так ведь тебя звал в детстве папаня, который однажды отодрал тебя только за то, что ты не сумел завалить с первого раза бычка, которого надо было заколоть. Да, да, добрый читатель, я о Распутине. Он никогда не верил в нищету нищих, но завидовал им и никогда не подавал, а обходил их, или бранил мысленно. Нет, я не отвлекаюсь, я как раз на тему. Вполне можно было бы вспомнить, как на одной из улиц Орла в 1942 году полицейский убил выстрелом в спину молоденького паренька лет четырнадцати, неважно за что, но сделал мертвым только за то, что был паренек живым. Так же поступили и по отношению к Распутину, о котором до того и после говорили и думали изрядно. О пареньке при жизни говорили и думали мало, а после и вовсе ничего, он был совсем один после убийства родителей и близких осенью 1940. Так же поступили и по отношению к каждому убитому оленю, разве что про каждого из них в отдельности вовсе не говорили до смерти и окончательно после. Почему такая разница? Разница в чем? Они же все жили? Зачем род человеческий так конъюнктурен? Зачем мы так падки на зависимость от влияния людского? Почему мы не свободны в пристрастиях и намерениях, увлечениях и мыслях? Я знаю ответ. Ибо это все – история, от которой мы не свободны, мы не раздельны с ней, а она награждает нас связностью тела и духа, но во времени! Никто не лучше, хотя бы и потому, что любой возможен в качестве вещи, которой нельзя доверять, ибо вещь зависима в принципе, а невещь в принципе свободна. А я пошел спать, и мне все надоело, мне надоели вещи. Черт с ними, пускай превращаются во все, что угодно, пускай они бегают, скачут, ржут, прыгают, летают, хоть глотать пусть начинают друг друга и окружающих: мне насрать глубоко, хм-м-м, может быть лучше, много насрать, побольше, если будет, то это будет проявление такой говномании, которой со времен Генри Миллера и Эд. Лимонова, а еще точнее Ив. Баркова никто не видывал. А я пойду спать, мне остопиздели все эти свидания с этой дурой. Какого,

собственно, черта. Довольно ебстись с дурой, а, главное, мучить детей через мучения жены. Все, я пошел спать, потому что мне очень хочется поспать. А литератором я уже работаю двенадцать лет, и буду продолжать, только уже писать буду не статьи, а книги, то есть заниматься я начал тем направлением литературы, которое зовется художественным. И проблем нет, главное, как и в предыдущей работе, в прежнем литературном направлении, которое называется во всем мире журналистикой, ничего не врать, а писать, что думаешь и, что чувствуешь, без ослепления и мести, с любовью. Что есть, то и пиши, что было, то изображай. Вот это и есть мое кредо. Ортодоксальный вещизм – это цивилизационная смерть человека: в катастрофах и авариях, вызванных цивилизацией, ставших возможными благодаря цивилизации. Люди превращенные в вещи – это начинка самолетов, участвующих в авиакатастрофах. Люди, превращенные в цифры.

<...>Февраль 1994 года был пресыщен авиакатастрофами. 14 по всей планете. 2 февраля – одна авиакатастрофа. 2 февраля в пригороде Цюриха разбился испытательный самолет. 4–1. 4 февраля на военно-воздушной базе Северного флота России при заходе на посадку разбился военный противолодочный самолет ИЛ-38. 7–1. 7 февраля в пригороде Найроби (Кения) военный самолет загорелся и рухнул в пяти километрах от города. 8–1. 8 февраля в 11.39. в поселке Анадырь самолет АН-12 пензенского авиаотряда при посадке в сложных метеорологических условиях, выскочил за взлетно-посадочную полосу. 10 февраля – 4. Вот он мой день. Смотрите, как медленно и постепенно я готовился к своему радостному дню, как я хотел и мечтал, и ждал и дождался, ах, как я хорошо успокоил людей, они расслабилась и успокоились. И затем уже я взял все, что хотел взять. 4 авиакатастрофы в один день. Какое долгожданное счастье. 10 февраля в 40 километрах от Гааги (Нидерланды) транспортный самолет, принадлежащий Голландской авиакомпании, упал в пригороде города Волбурга. 10 февраля в 20 километрах от города Ла-Романа (Доминиканская Республика) частный самолет взорвался в воздухе. 10 февраля в пяти километрах от Севастополя над Черным морем два вертолета МИ-8 столкнулись в воздухе. 10 февраля в 3 километрах от города Ашдода (Израиль) самолет частного сыскного агентства потерял управление и рухнул на землю. То есть 10 февраля 1994 года на планете произошло 4 авиакатастрофы, больше, чем в какой-нибудь из предыдущих или последующих дней ушедшего года. 13 февраля – 2 катастрофы. Согласитесь, я же не мог сразу успокоить свои чувства и свою жажду утолить, это же так не просто. 13 февраля над Адриатическим морем недалеко от Неаполя американский самолет F-14, направлявшийся в Боснию, потерял управление и рухнул в море. 13 февраля около 13.00 в Шурабадском районе Таджикистана разбился принадлежащий российским пограничным войскам вертолет МИ-8. 16 – 2. 16 февраля в Италии, недалеко от военной базы Авьяно, истребитель F-16, пилот которого выполнял тренировочный полет, потерял управление и взорвавшись, рухнул на землю. 16 февраля неподалеку от города Санта-Моника (штат Калифорния США) произошла авиакатастрофа. Военный самолет потерял управление. 20 – 1. 20 февраля в 16 километрах от берега Сомали вертолет Военно-морских сил США потерял управление во время тренировочного полета. 21 – 1. 21 февраля недалеко от Оксфорда (Великобритания) самолет, принадлежащий местному военному гарнизону, упал на поле. 24 – 2. 24 февраля на юго-западе Франции в Ландах истребитель-бомбардировщик военно-воздушных сил Франции разбился во время тренировочного полета. 24 февраля – грузовой самолет АН#12, совершавший рейс Санкт-Петербург – Волгоград – Нальчик, потерпел аварию при заходе на посадку. На борту самолета было 13 тонн денег. 25 – 1. 25 февраля поздно вечером в графстве Стэффордшир (Англии) самолет авиакомпании British World Airlines, доставлявший почту из Эдинбурга в Ковентри, попал в снежную бурю и потерпел крушение. Наконец, 26 – одна авиакатастрофа. 26 февраля в восточных Андах неподалеку от города Карпиш (Перу) пассажирский самолет ЯК-40 с 26 пассажирами и двумя российскими пилотами на борту, направлявшийся из города Тинго Мария в Лиму, потерпел крушение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.